

УДК 159.922.7
ББК 88.8
М91

Серия «Самокат для родителей»
Оформление серии Яны Позиной

Мурашова, Екатерина.

М91 С вашим ребенком все в порядке / Екатерина Мурашова. — М. : Самокат, 2020. — 368 с. — (Самокат для родителей). — ISBN 978-5-91759-957-1.

В обычном детском саду начинается массовый психоз. Ничем не примечательная с виду девочка обнаруживает у себя дар утешать и успокаивать чужих детей. Частный детектив ищет хозяина потерявшейся лошади. Взрослая женщина-математик вдруг узнает, что ее удочерили в младенчестве.

Что это, пересказ нескольких серий нового популярного сериала? Нет, это случаи из жизни, которые Екатерина Мурашова, петербургский психолог, каждый день слышит на приеме в городской поликлинике. Каждый день мамы и папы, бабушки и дедушки, взрослые и подростки приходят в кабинет психолога со своими рассказами, жалобами и жизненными коллизиями, пишут письма, задают вопросы в блоге на портале «Сноб». Каждый день Екатерина Мурашова вместе с ними находит ответы на сложные жизненные вопросы, а потом пишет книжки по мотивам своих консультаций. Именно этих книг читатели ждут с таким же нетерпением, как и новых серий популярного сериала.

© Мурашова Е., 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

ISBN 978-5-91759-957-1

СОДЕРЖАНИЕ

ДАР СЛУЧАЙНЫЙ.....	9
ШКОЛА БУДУЩЕГО.....	19
МИНУТКА БЕЗОПАСНОСТИ.....	27
ДЕТИ И ПУТЕШЕСТВИЯ.....	29
ТЕРАПИЯ КОНЦОМ СВЕТА.....	36
ПАЗЛ СЛОЖИЛСЯ.....	46
ЧЕГО НЕ ХОТЯТ ПОДРОСТКИ.....	55
НА СТОРОНЕ РЕБЕНКА.....	62
УХОД В БОЛЕЗНЬ.....	71
НЕВРОЗ ЭТОГО ПОКОЛЕНИЯ.....	81
БЕСКОНТАКТНЫЕ ДЕТИ.....	87
НАЙДИ СЕБЕ ДРУГОГО.....	96
КАК РАССКАЗАТЬ РЕБЕНКУ О СВОЕЙ СКОРОЙ СМЕРТИ.....	104
КОРОЛЬ ИЛИ СУПЕРГЕРОЙ.....	112
СЕМЬЯ С ОТКРЫТКИ.....	121
ЗОЛОТОЙ ЗОНТИК ЛЮБВИ.....	132
ИДЕАЛЫ ГИМНАЗИСТОК.....	143

ОСАЖДЕННАЯ КРЕПОСТЬ.....	152
ЗАЧЕМ УСЫНОВЛЯТЬ ДЕТЕЙ?.....	161
УПРАВЛЕНИЕ ГНЕВОМ: ИНСТРУКЦИЯ.....	169
С ВАШИМ РЕБЕНКОМ ВСЕ В ПОРЯДКЕ.....	176
ДОГОВОР ДОРОЖЕ ДЕНЕГ.....	183
ИНТЕРНЕТ КАК РЕИНКАРНАЦИЯ ДВОРА.....	192
ОН НИКОМУ НЕ НУЖЕН.....	199
ГОЛОДОВКА ПРОТИВ СУИЦИДА.....	207
ОНЛАЙН-КУРС ДЛЯ ХОРОШИХ РОДИТЕЛЕЙ.....	217
ОНА НЕ ЛЮБИТ СВОИХ ДЕТЕЙ.....	223
ОСЕННИЕ ИГРЫ С ДЕТЬМИ.....	231
ЛОКАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ.....	238
ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ ВАШЕМУ РЕБЕНКУ?.....	244
КАК ОПАСНО БЫТЬ СРЕДНИМ РЕБЕНКОМ.....	253
ВЫНЕСИТЕ ИХ ЗА СКОБКИ.....	263
МАЛЕНЬКИЙ ХРИСТИАНСКИЙ ПОДВИЖНИК.....	274
ИНСТИНКТ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ.....	284
НЕДЕЛЯ ГВОЗДЕЙ И НЕДЕЛЯ ШУРУПОВ.....	289
КОГО БЫ ТУТ УБИТЬ.....	298
РЕЦЕПТ СЧАСТЛИВОГО БРАКА.....	308

Массовый психоз в детском саду.....	315
Сын сапожника или уникальная личность.....	322
Линейная педагогика для активного ребенка.....	330
Не мешайте им играть в снежки.....	337
Новые возможности проблемной семьи.....	343
Частный детектив.....	356

ДАР СЛУЧАЙНЫЙ

Точно помню, что дело было зимой. Подошла процедурная медсестра. Видно, что ей неловко. Мне тоже неловко — я пытаюсь вспомнить, как ее зовут. У меня неплохая память на лица, а на имена — отвратительная.

— Катерина Вадимовна, вы бы девочку посмотрели.

А, понятно. Дочка или племянница. А может быть, внучка? Возраст современных женщин я определяю весьма приблизительно.

— Без проблем. А что за девочка?

— Да я сама не знаю.

Так. А это что значит?

— Простите, не поняла. Кого же я должна смотреть?

— Да ходит тут одна.

Ситуация все больше запутывалась.

— Да где же она ходит?

— Да тут везде.

Неловкость нарастала, и женщина уже очевидно жалела, что обратилась ко мне. Я же просто ничего не понимала.

По поликлинике (прямо сейчас? регулярно?) ходит девочка, поведение которой таково, что опытной медсестре, его наблюдающей, кажется необходимым обращение к психологу.

— А где же родители девочки? — спросила я вслух.

— Не знаю, не видела ни разу — в том-то и дело. Кажется, их тут нет.

— Вас беспокоит, что ребенок находится в поликлинике один? Может быть, она потерялась? Она плачет?

— Нет, наоборот.

Пару секунд я соображала, какое действие является «наоборот» от глагола «плачет». Смеется? Образ бродящей по поликлинике смеющейся девочки окончательно поставил меня в тупик, и я сдалась:

— Да объясните уже, пожалуйста, как-нибудь, в чем, собственно, дело?

Последовавшее объяснение, как ни странно, ясности почти не прибавило.

По словам медсестры, она уже некоторое время, больше месяца, регулярно встречает в поликлинике одну и ту же девочку лет 11–12. Девочка не сидит в очереди и, кажется, вообще не посещает никаких врачей или процедуры. Родителей рядом с ней нет. В поликлинике она часто находится в учебное время. Что она тут делает? По всей видимости, общается — медсестра не раз видела, как она разговаривает с матерями, успокаивает плачущих у процедурного кабинета малышей или играет с ними.

— Вы сами не пытались с ней заговорить?

— Пыталась, два раза. Спрашивала, что она тут делает. Первый раз сказала: маму жду. Второй раз у невролога была большая очередь, девочка сказала, что сидит в очереди, но я видела, что врет. А на третий раз она меня увидела и убежала вниз по лестнице. Не гоняться же мне за ней.

— А как она выглядит?

— Обычная девочка, беленькая. Одета тоже обычно.

— А по настроению, по душевному состоянию?

— Да вроде все с ней нормально, разговаривает, играет. Вы уж простите, что я вас побеспокоила. — Но тут медсестра решительно встряхнула головой и добавила: — Но все-таки — как хотите! — есть в ней что-то такое, по вашей части, назвать не могу, но чувствую.

— Давайте сделаем так, — предложила я. — Как только вы снова увидите эту девочку, постучитесь ко мне в кабинет. Покажете ее мне, а дальше я уж посмотрю, как и что у меня по времени и желанию самой девочки выйдет.

— Хорошо. — Медсестра вздохнула с явным облегчением.

В первый раз у нас ничего не вышло. Медсестра постучалась, как договаривались, я вышла в коридор, мельком взглянула на девочку (действительно совершенно обыкновенную на вид), потом вернулась к своим клиентам, а когда освободилась, девочки в поликлинике уже не было.

Зато второй раз я увидела ее сама, и у меня как раз было время до следующего приема. Я не ношу белого халата, девочка меня не знала, поэтому я спокойно села на стул в коридоре,

раскрыла на коленях рекламный журнал, оставленный в моем кабинете кем-то из клиентов, и стала наблюдать.

Наверное, это можно было назвать «общалась». Но сама девочка, по моим наблюдениям, говорила крайне мало. В основном она слушала. Ей что-то рассказывали и показывали малыши. Время от времени — матери. С явным удовольствием — бабушки. Она задавала вопросы. Было три случая, которые меня впечатлили. Один раз истерил из-за какой-то ерунды ребенок лет двух с половиной, другой раз заходился одеваемый в зимнюю одежду младенец на пеленальном столике, а третий — мальчик лет пяти боялся, что будут брать кровь, и бился как тигр, так что двое взрослых не могли его удержать и затащить в кабинет.

Все три раза девочка действовала одинаково: подходила сбоку, останавливалась, устанавливала контакт глазами с кем-то из взрослых, близких ребенку, смотрела сначала очень серьезно, потом улыбалась, потом улыбку убирала и говорила тихо, но внятно:

— Давайте я. Попробую. Его успокоить.

Выглядела девочка обыкновенно и абсолютно безопасно. Родители смотрели на нее с легким раздражением, но не противились.

Дальше происходило обыкновенное чудо.

Девочка касалась ребенка, может быть, что-то ему говорила (я не могла расслышать, что именно) — и ребенок успокаивался. Младенец просто заснул (я подошла и посмотрела), истерящий малыш замолчал, потом заулыбался и пред-

ложил девочке вместе поиграть в машинку, а тигр-пятилетка и вовсе послушно зашел в ужасный кабинет, держа девочку за руку.

Как вы понимаете, после этого мне очень захотелось с девочкой познакомиться. А вот захочется ли ей?

Я придумала приблизительно десяток разных хитрых способов обмануть бдительность девочки, а потом подошла к ней и сказала:

— Я хочу с тобой познакомиться. Меня зовут Катерина Владимовна. Я работаю в этой поликлинике, вон в том кабинете.

— Анята, — сказала девочка и протянула мне узкую ладошку.

Когда мы зашли в мой кабинет, Анята восхитилась обилием игрушек и сразу стала с ними играть. Причем с теми, с которыми обычно никто не играет, — разными некрупными мягкими зверями. Машинки и куклы оставили ее равнодушной.

Я наблюдала за ее игрой, и мы как-то довольно конвульсивно разговаривали. Анята отвечала на каждый третий мой вопрос и в ответ задавала приблизительно шесть своих. Мне приходилось отвечать на все, ведь я была инициатором контакта.

Через некоторое время я знала об Аняте следующее (она знала обо мне гораздо больше).

Анята живет с мамой, ее вторым мужем и двумя их общими детьми, которые младше Аняты на шесть и восемь лет соответственно. С братьями у Аняты отношения хорошие,

с отчимом — никакие, он ее никогда не бьет и не ругает и, кажется, даже замечает не каждый день. Какие отношения с матерью — непонятно. Родного отца Анюта никогда не видела. Возможно, теперь он уже умер. Сначала они жили с матерью вдвоем, мама много работала, а Анюта была в садике или дома с игрушками. Потом два года, пока мать наново устраивала свою личную жизнь, Анюта жила с прабабушкой. После прабабушка заболела, мама взяла Анюту назад в свою новую семью (там как раз родился старший из братьев), а прабабушка почти сразу умерла.

В школу Анюта ходила три года, а теперь — на домашнем обучении. Учится в пятом классе, любит рисование и историю.

На вопрос «Почему ты на домашнем обучении?» отвечает «Потому что я тупая», но больше ничего сказать не может. Какие-то тяжелые хронические заболевания, операции и все такое прочее отрицает.

— То, как ты успокаиваешь детей...

— Да, это я могу.

— Как ты это делаешь?

— Не знаю. Просто умею. С братьями сначала, а потом с другими. У вас карты есть?

— Что?! Какие карты?

— Обыкновенные, в которые играют.

— Ну разумеется, нет. А зачем тебе?

— Я бы вам показала — я еще карту умею угадывать. Тоже не знаю как. И погадать вам могла бы.

— Кто тебя научил?

— Прабабушка. Она людям гадала.

В дверь постучались.

— А зачем ты вообще в поликлинику ходишь?

— Здесь тепло и люди. Дети. Все время разные. Здесь я могу... могу... и меня никто не боится, даже спасибо, бывает, говорят...

В дверь настойчиво постучались еще раз.

— Приходи еще, если захочешь.

— Спасибо, — вежливо сказала Аня.

Я видела, что ей у меня понравилось. Я знала, что она не придет.

Ее обмолвок было достаточно, чтобы я нашла карточку и домашний телефон.

— Я хочу поговорить с мамой Аня.

— Я и есть мама, говорите.

— Это психолог из детской поликлиники. Вы знаете, что Аня регулярно сюда ходит?

— Нет. А что, она заболела?

— Нет. Аня сейчас дома?

— Кажется, нету. Ушла.

— Вы знаете, где она сейчас?

— Не знаю. А что, она заболела?

— Я хочу, чтобы вы ко мне пришли.

— Да мне малого не с кем оставить.

— Берите его с собой, он здесь в игрушки поиграет.

Мама очень похожа на Аню, только выражение лица глупее.

— Почему вашу девочку отправили на домашнее обучение?

— Да училка сказала, не справляется она.

— С чем не справляется?

— Да не знаю я. Училка та сказала: не могу ее учить. А комиссия сказала: для спецшколы показаний нет. И теперь другая училка ходит, и все нормально: четверки у нее и пятёрки бывают.

— Почему ваш муж не общается с Анютой?

— Да боится он ее. Хочет наругать, как сынов, да не решается — вдруг проклянет?

— О чем вы? Что это значит — проклянет?

— Да есть в ней что-то. И в бабке моей было. Во мне и в помине нет, слава богу. Колдунья раньше называли, а теперь как назвать? Училка та, первая, мне кажется, тоже ее боялась: выкинула она там свой фортель какой-нибудь, и вот. И дети в классе тоже.

— Что такое «фортель»?

— Ну глаз отвела или, там, угадала, чего ей не положено. Или на картах кому погадала, а оно и сбылось. Или рот затворила. Да мало ли?

— Но послушайте, это же дичь какая-то: ведь в результате чужих суеверий ваш ребенок растет в фактической изоляции. Пусть даже ребенок не совсем обычный, хотя я ничего такого не заметила, но Анюте все равно надо ведь общаться, развиваться.

— Я ее кормить-поить буду, одевать тоже и лекарства куплю, если надо. Книжки вот ей покупаю. А так-то у меня муж есть и еще двое малых, вы тоже меня понять должны. Вот вырастет она, уйдет куда и пусть там общается и развивается, как вы сказали.

Я понимала, что это моя неудача — полная, окончательная и обжалованию не подлежащая.

— Зайди ко мне, — попросила я Анюту.

— Нюся, не уходи, — попросил малыш, с которым она в холле играла в машинки.

— Я скоро приду, — пообещала она.

— Далай-лама сказал, что в будущем, когда ты вырастешь, будут нужны в основном такие люди, как ты, понимаешь? Не юристы, не менеджеры и даже не математики и программисты. Люди со способной и сильной душой.

— А кто такой этот далай-лама? Президент?

— Уважаемый в этом мире человек.

— Хорошо, если он не ошибается. Мне бы хотелось кому-нибудь пригодиться.

Я долго объясняла Анюте, где и как именно во взрослой жизни может пригодиться ее необычная одаренность. Рассказывала про всякие бесплатные кружки, как туда поступить, рисовала планы и схемы. Она слушала и смотрела внимательно и серьезно. Две недели назад ей исполнилось 12 лет.

Я приглашала заходить еще — поиграть и поговорить. Она сказала спасибо.

Больше ее в поликлинике никто не видел. Я ругала себя и надеялась, что она теперь просто ходит в поликлинику по соседству.

С тех пор прошло много лет. Аня давно выросла. Но иногда я вспоминаю ее и гадаю: что с нею стало? Очень хочется верить, что что-то хорошее.